

Новая развилка для Старого Света

Судьбы Европы: территория фрагментов или целого?

А. А. Громыко

Доктор политических наук

Тема европейской модели (точнее сказать - моделей развития) крайне объемная, написаны десятки и сотни книг, тысячи статей по различным ее аспектам. Речь идет о моделях политических, экономических, социальных, культурных, поведенческих, наконец. Европа в принципе может претендовать на все из них как на специфически европейские, как на модели, которые в той или иной форме и в тех или иных разновидностях сложились именно в ее границах. Что способствовало этому? Во-первых, тирания географии. Мы живем в регионе, который далеко не самый большой в мире, а если брать Европу от Атлантики до Урала, то совсем небольшой по сравнению со многими другими региональными пространствами на Земле. Способствует определенным центростремительным тенденциям и наличие общей истории и общей памяти, то, что ковалось в головах, в генетическом коде европейцев в течение многих веков. Европа уже давно в цивилизационных исследованиях, в цивилиографии выделена в отдельную категорию, в цивилизацию европейскую. Имеется множество интерпретаций этого понятия, но мало кто ставит под сомнение, что европейская цивилизация существовала, существует и, очевидно, продолжит жить еще очень длительное время. Ее скорая гибель, закат предвидятся разве что в апокалипсических сценариях, имеющих мало общего с реальностью даже при всех тех трудностях, с

которыми Европа сталкивается в последнее время. Ведь большинству других регионов планеты предстоит решать еще более сложные проблемы, чем Старому Свету.

Но нельзя не видеть и опасности, вполне способные превратиться в экзистенциальные. Например, в конструкцию Европы встроен эффект Вавилонской башни. Это многоязычие, фрагментарность пространства, мозаичность европейской ментальности™. Есть европейские страны, которые не считают себя европейскими или, по крайней мере, где значительная часть населения так не считает. Возьмем Великобританию, где, как и в России, говорят, как правило, «поедем в Европу». Это отражение традиционного островного менталитета, как в первом случае, или взгляда на мир тех, кто освоил огромные пространства, как во втором случае. В России, по опросам общественного мнения, более половины населения всегда с сомнением относилось к тезису о том, что наша страна - Европа, а ее граждане - европейцы. Помимо этого, есть страны, которые считают себя в целом европейскими, но таковыми в действительности не являются. Например, государства Закавказья или Израиль.

До середины XX века предпринималось несколько масштабных попыток по объединению Европы. Все они оказывались неудачными. Мы можем вспомнить и Римскую империю, и эпоху Наполеона, и попытки Третьего рейха. Несмотря на явные неудачи этих проектов, Европа существовала несколько веков в качестве и субъекта, и объекта мировой политики. Если

взять страны, где многие с сомнением относятся к своей идентичности как европейской, например Россию или Британию, то какой наилучший критерий выяснить реальное положение дел? Надо поехать в Китай, Австралию, Японию, Бразилию, ЮАР и там спросить, какой части света принадлежит Россия? Кто такие россияне? Там вам скажут, что вы европейцы, вы Европа. Мы можем думать о себе все, что угодно, но большая или даже подавляющая часть мира видит Европу в тех границах, в которые она и помещена в большинстве цивилизационных исследований.

Несмотря на то что образы Европы сложились в представлениях жителей нашей планеты очень давно, длительное время это были образы, в основном вызывающие мало симпатий. Здесь и воспоминания о колониальном прошлом нашего континента, о многочисленных войнах, в основном захватнических, которые европейцы вели во всех уголках земного шара. Апогеем такого агрессивно-экспансионистского развития Европы, апогеем отталкивающей стороны ее образа, ее восприятия, безусловно, стали две мировые войны в первой половине XX века. И если до 1939 г. в международной политике превалировал европоцентризм, то после 1945 г. Европа, по крайней мере ее западная и центральная части ушли в тень двух сверхдержав - СССР и США.

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы как в самой Европе, так и за ее

пределами, стали вновь проявляться на рубеже восьмидесятих и девяностых годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошел в силу и заявил свои права. Эта тенденция развивалась по восходящей до 2008 г. Но затем Европа вновь столкнулась с рядом серьезных проблем.

Сейчас мало кто помнит, в каких муках, сомнениях и противоречиях, противоборствах вырабатывалась новая европейская модель. Борьба шла не только вокруг конкретного наполнения таких проектов, как Совет Европы, Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество. Были и план

Для обоих мегапроектов во второй половине XX века на Западе и на Востоке Европы исключительное значение имело понятие «миссия». Оба проекта были, конечно, в первую очередь не экономическими, а политическими и идеологическими, и миссионерская их направленность была ярко выраженной; в значительной степени она сохраняется таковой в видоизмененных формах до сих пор. Что двигало западноевропейским интеграционным проектом, созданием, говоря современным языком, западноевропейской модели развития? Если брать 1950-е гг., то миссия состояла в том, чтобы примирить закоренелых врагов, Францию и Германию, а затем вокруг них объединить другие крупные государства Западной Европы. Эта задача в принципе была решена благодаря волнам расширения в 1973 и 1995 гг. В восьмидесятые годы возникла миссия по вовлечению в интеграционные процессы тех стран, которые до того были тоталитарными или авторитарными, что и произошло благодаря расширению в 1981 г., с присоединением к ЕС Греции, и в 1986 г. с подписанием Испании и Португалии. Наконец, в 1990-е гг. появилась новая стратегическая цель по вовлечению в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы, что и осуществилось благодаря волнам расширения в 2004 и 2007 гг. Наконец, имеется и текущая миссия, находящаяся в стадии реализации, даже в условиях, когда, казалось бы, западноевропейский проект практически достиг границ своего внешнего расширения. Это, конечно же, вовлечение Балканских государств, начавшееся с присоединения Румынии и Болгарии в 2007 г., которое продолжится в 2013 г. после вступления в ЕС Хорватии.

Если вернуться к опыту двух мировых войн, то именно страх перед закатом Европы привел после 1945 года к новой попытке объединения континента на качественно новых началах и формированию «европейской мечты»

Если вернуться к опыту двух мировых войн, то именно страх перед закатом Европы привел после сорок пятого года к новой попытке объединения нашего континента на качественно новых началах. С пятидесятих годов началось конструирование «европейского нарратива», и к девяностым годам этот процесс привел к формированию категории «европейской мечты», некой системы ценностей эпохи постмодерна. Возможно, квинтэссенцией этой системы ценностей стали такие принципы, как «пул суверенитетов», устойчивое развитие, принципы солидарности и «мягкой силы».

Что касается социально-экономических моделей развития, которые возникли в рамках по крайней мере западной части Старого Света, много написано и сказано о таких разновидностях, как скандинавская, англосаксонская, рейно-альпийская, южноевропейская и другие модели. В целом за последние 20-30 лет сформировалось то, что мы называем социальной моделью развития Европы, та самая модель, которая оказалась под сильным ударом в последние годы в результате мирового финансового, экономического, а затем и политического кризиса.

Маршалла, и Европейское объединение экономического сотрудничества, и Европейская экономическая комиссия, в целом шла серьезная борьба, по крайней мере до 1960-х гг., между сторонниками двух концептуальных подходов к западноевропейской модели интеграции - между федералистами и сторонниками межгосударственных связей.

СССР в тот период превратился в сверхдержаву, и несмотря на то что в стратегическом, геополитическом плане он, безусловно, на тот период выиграл, но одновременно и попал в ловушку собственной новоприобретенной глобальности. Москва делала ставку на межгосударственные организации под флагом ООН и пренебрегала вниманием ко многим формирующимся общеевропейским проектам, которые в 1950-х - 1960-х гг. свелись к сугубо западноевропейским. Но при этом надо помнить о том, что кроме процессов, приведших, в конце концов, к появлению современного Европейского союза, существовала и другая, восточная модель интеграции, восточная альтернатива в виде того, что сейчас называют постсоветским пространством.

В обозримом будущем за ней последует и ряд других стран Западных Балкан.

Надо сказать, что и на Востоке Европы, уже после крушения Советского Союза, интеграционные процессы на новой базе развивались не менее динамично. Можно перечислить многие структуры, созданные на развалинах СЭВ и ОВД: это и СНГ, и Союзное государство России и Белоруссии, и ЕврАзЭС, и ОДКБ, и ШОС, и Таможенный союз, развивающийся в сторону Единого экономического пространства, а затем и Евразийского союза.

Вопрос в том, удастся ли в XX веке то, что не смогли сделать европейские страны после окончания Второй мировой войны. А именно - не разойтись по разным интеграционным моделям, а создать Европу без разделительных линий, общее пространство от Лиссабона до Владивостока, одним словом, выйти на панъевропейскую интеграционную модель. При этом надо сказать, что в последние годы привлекательность проекта Евросоюза во многом поубавилась в результате тех проблем, с которыми эта часть европейского пространства сталкивается. Но и Россия как ядро постсоветского пространства также пока не превратилась в бесспорный магнит по привлечению «мозгов», денег, высококвалифицированных мигрантов из других частей Европы и мира в целом.

Действительно серьезный вопрос - о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI века. Это для нас ключевая проблема. Речь идет не только о возможной и вероятной утрате влияния Евросоюза и России, как и всех других европейских стран в целом. По многим показателям и данным статистики Европа теряет свои позиции по сравнению с другими мировыми центрами силы, на фоне возникновения и взлета новых «рынков

роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов. Решение этой проблемы, к сожалению, пока не просматривается.

До конца текущего десятилетия Евросоюз основные силы потратит на решение внутренних проблем развития, будет находиться в зоне высоких экономических, социальных, политических рисков. Его ждет болезненная переналадка модели социального рынка, без увеличения конкурентоспособности которого у организации нет шансов занять передовые позиции в XXI столетии. Прогнозы, основанные на расчетах Мирового банка, показывают, что в составе 27 членов доля Евросоюза в мировом ВВП по ППС снизится с зарегистрированных 20,8% в 2007 г. до 18,6% в 2020 г. и до 15,5% в 2030 г. Соответствующие показатели для США составят 19,4, 18,3 и 16,6%, для России - 2,9, 3,1 и 2,7%, а вот для Китая - 10,1, 17,7 и 22,7%, для Индии - 4,3, 6,9 и 8,7%¹. Не в пользу Евросоюза демографические и миграционные тренды. Но распад ЕС под грузом нынешних проблем практически исключен; невысока вероятность и развала еврозоны. Евро, наверняка, сохранится в качестве второй мировой резервной валюты, однако правила, по которым до недавнего времени действовала еврозона, существенно изменятся, что уже происходит, в сторону ужесточения критериев членства. Вероятно и изменение ее конфигурации с выделением передовой и отстающей групп.

С позиций сегодняшнего дня убедительно обосновать высокую вероятность выхода того или иного государства из еврозоны с возвращением к национальной валюте вряд ли возможно, так как, во-первых, отсутствуют механизмы такого выхода и, во-вторых, негативные последствия и непереносимые последствия этого очевидно пере-

вешивают позитивные ожидания как для проштрафившихся государств, так и для группы в целом. Ссылки на то, что, например, экономика Греции занимает лишь 2% в ВВП ЕС, не корректны, так как не учитываются эффекты мультипликатора и домино; ущерб оттого, что Греция, не говоря уже о более крупных государствах, покинет еврозону, будет намного большим. Другой пример негативных последствий от пренебрежения эффектом мультипликатора - мегарасширение ЕС, начавшееся в 2004 г. (десять государств) и продолжившееся в 2007 (Болгария и Румыния) и 2013 гг. (Хорватия). Отталкиваясь от количественных показателей, ЕС должен был успешно абсорбировать новых членов, а принятие Евроконституции считалось решенным делом. «Головокружение от успехов», присущее Брюсселю до середины 2000-х гг., «размягчение» Копенгагенских критериев приема способствовали приукрашенным прогнозам и излишне оптимистическим настроениям. Теперь ясно, что адаптация ЕС к новым условиям существования, в том числе к резко возрослому количеству стран-членов, будет растянута по крайней мере до конца текущего десятилетия.

Кризисные процессы привели к значительному росту евроскептических настроений в Евросоюзе, поляризации партийно-политических систем, увеличению потенциала центробежных тенденций. На наших глазах происходит переписывание социального контракта, на основе которого развивались государства Западной и Центральной Европы после Второй мировой войны. Западноевропейские социальный рынок и «государство благосостояния» переживают тяжелые времена, хотя вряд ли уступят место англосаксонской модели развития, и, став менее щедрыми, в целом сохранятся, по крайней мере в части скандинавской и

рейно-альпийской субмоделей. Однако социально-экономическая неравномерность внутри ЕС усилится, как и социальное неравенство внутри большинства стран-членов.

К середине 2012 г. прямым или косвенным результатом роста в ЕС социальной напряженности, недовольства широких масс политикой урезания социальных расходов стала смена правительства в порядке десяти стран. Этот процесс продолжится; не исключено поражение ныне правящих партий в Германии на выборах в 2013 г. и в Великобритании в 2015 г. Победа Франсуа Оланда на президентских выборах во Франции, усиление левых сил в Греции, победа социал-демократов в Дании свидетельствуют об активизации левого спектра политических сил континента.

Хорошо известно, насколько сложные отношения существуют в настоящее время между Россией и Евросоюзом, насколько до сих пор в нашем сознании и на Западе, и на Востоке Европы главенствует принцип мышления «мы и они», насколько до сих пор мало впечатляюще практические, реальные наработки в создании истинных интеграционных проектов, охватывающих Запад и Восток Старого Света. И все же верится в то, что таковые в недалеком будущем появятся. Как говорится, императивы времени подталкивают к этому с неумолимой логикой.

Наполнение реальным содержанием тезиса о стратегическом партнерстве (в отличие от «зрелого», «прагматичного» партнерства, «селективной интеграции») России и Евросоюза представляется безальтернативным по ряду фундаментальных причин.

Во-первых, по линии двухстороннего сотрудничества экономическая взаимозависимость, судя по всему, будет только нарастать, в первую очередь в таком стратегическом секторе, как энергетика.

Во-вторых, техническое перевооружение российской экономики, создание на территории России современных конкурентоспособных производств невозможно в обозримом будущем без привлечения к выполнению этих задач западноевропейского бизнеса и экспертизы. Биржи Западной Европы являются ключевым каналом доступа России к мировому рынку заемных средств. Выполнению задачи по модернизации российской экономики и других сфер жизни страны, поставленной президентом Д.А. Медведевым в 2009 г., призвана способствовать инициатива «Партнерство для модернизации», принятая сторонами в мае-июне 2010 г. на саммите Россия - ЕС в Ростове-на-Дону.

В-третьих, в цивилизационном, социальном и культурном плане пространство Евросоюза (и более широко - Евроатлантики) является для России наиболее близким и привлекательным. Именно с ним будут и дальше связаны основные интересы российских предпринимателей, туристов, студентов, ученых.

В-четвертых, Россия и Евросоюз, его ведущие государства-участники являются незаменимыми партнерами в деле урегулирования большого числа региональных и глобальных проблем. Друг без друга им не найти адекватного ответа на вызовы безопасности, как внутренние, например «замороженные конфликты» или миграционные потоки, так и внешние - нераспространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, трансграничная преступность, наркотрафик и др. России следует не упускать из виду тот факт, что ЕС будет и

дальше стремиться наращивать свои усилия в качестве влиятельного глобального игрока. Например, об этом свидетельствует практика проведения саммитов ЕС, наряду с Россией, со все большим количеством партнеров, как отдельными странами, так и регионами и даже континентами: США, Китаем, Индией, Южной Кореей, ЮАР, Азией, Африкой, Украиной, Латинской Америкой и государствами Карибского бассейна. ЕС участвует во встречах «большой восьмерки» и «большой двадцатки», сотрудничает с ООН, является членом ближневосточного квартета².

В-пятых, в обозримом будущем обе части Европы от Лиссабона до Владивостока - и восточная, и западная - по объективным причинам будут уступать свои позиции в мире с точки зрения демографии, доли в мировом ВВП, конкурентоспособности в пользу новых региональных и глобальных центров влияния. В среднесрочной и долгосрочной перспективе для преодоления этой тенденции необходимо продолжать процесс интеграции, решать проблемы, которые мешают европейским государствам выступать с близких, согласованных позиций.

Старый Свет еще долго будет оставаться опорным для России и в условиях ее возрастающего внимания к Азиатско-Тихоокеанскому региону. «Разворот на Восток», если им российская власть действительно озаботится всерьез, а не только в период саммита АТЭС во Владивостоке, потребует масштабных и долгосрочных вложений и политического, и финансового капитала. Покуда продолжается депопуляция Сибири, идеи о стратегической переориентации России вряд ли получат большое развитие.

Примечания

¹ Europe 2030. Ed. by Daniel Benjamin. Brookings Institution Press, Washington, D.C., 2010. P. 65.

² European Council Conclusions, EUCO 21/10, CO EUR 16, CONCL 3, Brussels, 16 September 2010.